

эдуард
ЛИМОНОВ

СВЯЩЕННЫЕ МОНСТРЫ

18+

Эдуард Вениаминович Лимонов

Священные монстры

Серия «Публицистический роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36356193

Э. Лимонов. Священные монстры: ООО Издательство «Питер»;

Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-4461-0993-7

Аннотация

Книга, написанная Эдуардом Лимоновым в первые дни пребывания в следственном изоляторе тюрьмы Лефортово, помогает посмотреть на признанных гениев – писателей, художников, музыкантов, политиков – другими глазами. Автор решил рассказать, какими были на самом деле эти «священные монстры», которым до сих пор поклоняются толпы людей.

«Мне всегда хотелось быть тем базлающим мальчиком из сказки Андерсена, который завопил: “А король-то голый!”. И мальчику не важно, что будет потом, что все бросятся бить его – ведь боль побоев ничто в сравнении с неизъяснимым удовольствием возопить правду».

Э. Л.

Книга публикуется в авторской редакции.

Содержание

Предисловие	5
Пушкин: поэт для календарей	8
Достоевский: 16 кадров в секунду	14
Бодлер: новый эстетизм	19
Де Сад: создатель вселенной насилия	24
Константин Леонтьев: эстет	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эдуард Лимонов

Священные монстры

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «Публицистический роман», 2019

* * *

Предисловие

Всех культовых личностей, собранных мной по прихоти моей как приязни, так и неприязни, объединяет не только бешеное поклонение как толп, так и горсточек рафинированных поклонников. В них во всех есть бешенство души, позволившее им дойти до логического конца своих судеб: Пазолини нашел свою судьбу на вонючем пляже в Остии, убитый персонажем своего фильма и книги («Рагацци»), Мишима вскрыл живот на балконе штаба японской армии по заветам «Хагакурэ», которую он так бешено рекомендовал современникам, Ван Гог прострелил свою гениальную безумную голову в кукурузном поле под палящим солнцем Оверни, Константин Леонтьев умер, постриженный в монахи, Джон Лейденский сложил голову на плахе, Жан Жене – в Париже, но вдали от мира, спрятавшись в арабском отеле, и похоронен в Тунисе, Ницше – в сумасшедшем доме... Сад в тюрьме, замаскировавшейся под сумасшедший дом.

Эта книга не предназначена для обывателя. Она предназначена для редких и странных детей, которые порой рождаются у обывателей. Для того чтобы их поощрить: смотрите, какие были *les monstres sacres*, священные монстры, вот какими можно быть. Большинство населения планеты, увы, живет овощной жизнью.

Книга написана в тюрьме, в первые дни пребывания в

следственном изоляторе «Лефортово», я, помню, ходил по камере часами и повторял себе, дабы укрепить свой дух, имена Великих узников: Достоевский, Сад, Жан Жене, Сервантес, Достоевский, Сад... Звучали эти мои заклинания молитвой, так я повторял ежедневно, а по прошествии нескольких дней стал писать эту книгу. Мне хотелось думать о Великих и укрепляться их именами и судьбами.

Одновременно это и ревизионистская книга. Ну, на Пушкина наезжали не раз. Но обозвать его поэтом для календарей еще никто не отважился. Я думаю, что помещичий поэт Пушкин настолько устарел, что уже наше ничто. Надо было об этом сказать. Так же как и о банальности Льва Толстого, и о том, что Достоевский для создания драматизма использовал простой трюк увеличения скорости, успешно выдавал своих протагонистов, невротиков и психопатов за русских. Я полагаю, что ревизионизм – это хорошо. Он заставляет думать, и, таким образом, человечество не спит, движется успешно, строит свой дом у подножья вулкана. Мне всегда хотелось быть тем базлающим мальчиком из сказки Андерсена, который завопил: «А король-то голый!» И мальчику неважно, что будет потом, что все бросятся бить его – ведь боль побоев ничто в сравнении с неизъяснимым удовольствием возопить правду.

И еще: это бедные записки. От них пахнет парашей и тюремным ватником, который я подкладываю себе под задницу, приходя писать в камеру № 25. (Часть записок написана

в камере № 24.) Бедные, потому что справочной литературы или хотя бы энциклопедического словаря, чтобы уточнить даты, у меня нет. Синий обшарпанный дубок-столик размером 30×60, два блокнота на нем, три ручки – вот вся бухгалтерия и библиотека.

Пушкин: поэт для календарей

Вульгарное двухсотлетие – юбилей Пушкина – совсем потопило его. А с парохода современности он упал давно и сам. Он тут даже не виноват, просто между ментальностью дворянина начала XIX века и ментальностью конца XX века мало общего. Ну, конечно, «мороз и солнце, день чудесный» или «октябрь, уж роща отряхает» – это строчки российского календаря, и как посконно-исконно календарные, их не забудешь и не заменишь. Это ясно, это гарантировано. Хотя со временем, может, и забудется, кто автор календарных стихов. Но вот, кроме календаря и общих мест (а общие места это: «Мой дядя самых честных правил...»), Пушкин нам ни для чего не нужен. Ни для того, чтоб мыслить о любви (тут ни «Я помню чудное мгновенье...», ни «Гавриилиада» не помогут). Сейчас мыслят иначе, другими категориями. Во времена Пушкина даже не то что не родился Фрейд, так еще и 40–50 лет спустя после него Тургенев слабовольно обходил вопросы пола. Его Базаров боится Одинцовой. У Пушкина с Татьяной никто не спит, и такую прелестную литературу выносить трудно. «Евгений Онегин» вообще пустая болтовня, и если это поэма о любви, то это насмешка, светское приличное изложение истории.

Сам Пушкин не отказывал (по примеру своего литературного кумира Байрона, тот и вовсе был бисексуалом, люби-

телем оргий и группового секса) себе в плотских развлечениях, но в литературу это не попало. В литературе соблюдались постные приличия, а то, что Пушкина считают автором порнографической поэмы «Гавриилиада» – то это гротескная оборотная сторона той же литературной приличности. На самом деле «Евгений Онегин» уступает и «Чайлд Гарольду», и другим поэмам Байрона, это ниже, – как новоиспеченные русские детективы Марининой ниже добротного Чейза. Байрон жил в Европе и соревновался с соотечественниками, с Кольриджем и поэтами «озерной школы». Пушкин жил в стране, где существовала лишь поверхностная европейская дворянская культура, малоразвитая. Поэтому его Онегин – щеголь-западник, как денди лондонский одет, но вышедший из родных грязей и потому нестерпимо провинциальный. Читать банальные строки «Евгения Онегина» сейчас невозможно – они не представляют даже и архивного интереса. Это не энциклопедия русской жизни, как утверждал пристрастный к Пушкину критик – это попытка представить модного дворянского героя нашего времени. Но и герой скучен – фланер и бездельник, и русская жизнь скучна до зевоты. В конце концов самому Пушкину стало скучно от своей энциклопедии, и он забросил поэму. Попытка во 2-й части расшевелить героя – сделать его интересным, прогнать его галопом по Европам – никак не вдохновила Пушкина, он бросил свою затею.

Всю славу Пушкина на самом деле составляют именно ка-

лендарные стихи. Он впервые воспел времена года в легких и удобных запоминающихся стихах, ставших народным достоянием. А в «Евгении Онегине» джентльменский набор сдержанных светских ухаживаний с «зардевшимися ланитами», и только. И не зардевшимся никаким другим местом – это все не держит конструкции. Это беда не только Пушкина, это тотальное отсутствие жизни пола, страсти в литературе, но тот же Байрон умел повышать напряженку, трагизм в своих стихах мрачными сильными описаниями природы, описаниями нравов экзотических народов, яростной полемикой с литературными и светскими врагами. У Пушкина это получалось куда слабее.

В переводе на современность герой Пушкина Онегин – это некий асидо-кислотный юноша, поклонник рэйва с серьгой в носу, с выжженным перекисью водорода клоком. Сын новорусского папы.

Сам Пушкин удивляет неподвижностью. Ну съездил в Молдавию, к Раевскому на Кавказ, в Арзрум, и все. За 37 лет. В его время были бродяги и авантюристы в России. Один Толстой Американец чего стоит, и никакой царь им не мешал колесить по свету. Александр Сергеевич же послушно таскался по гостиным, и, по всей видимости, ему это так и не надоедало – проводить вечера в компании толстых светских девушек, дедушек и бабушек помещиков. И блистать среди них. Его долгая, на всю жизнь связь с соучениками по лицею тоже не говорит в его пользу – говорит о его низкой

социальной мобильности. Ибо сверхчеловек обычно начисто порывает со средой, в которой родился, как можно быстрее и позднее не раз меняет среду и свое окружение.

Не нравится мне Пушкин? Я же говорю: от него нужны только календарные стихи, а в остальном он выпал с парохода современности давным-давно. Его проза, все эти «Метель», «Выстрел», «Станционный смотритель» – обыкновенная дворянская продукция с гусарами и прочей традиционной. Эти повести мог написать любой, какой угодно писатель своего времени.

Если такой писатель, как маркиз де Сад, явился миру вперед своего времени, если его время пришло потом, позже, главным образом после его смерти, и творчество его пережевывается, переваривается и сегодня и будет перевариваться человечеством, то Пушкин устарел уже когда только появился. Он умер позже маркиза де Сада, но какой контраст не в пользу «нашего» поэта!

Приговор мой будет звучать резко: ленивый, не очень любопытный, модный Пушкин никак не тянет на национального гения. Его двухсотлетие, отмеченное с приторной помпой федеральными и московскими чиновниками, еще лишнее доказательство этого. Пушкин так банален, что даже не опасен чиновникам. Он был банален и в свое время.

Его нелепая смерть на дуэли, проистекшая из непристойного поведения его жены, достойна двух бронзовых дутых фигурок, стоящих на Арбате у телеграфа. Здесь пошлость

заказа московского правительства конкурирует с пошлостью этой истории: жена шепталась, хохотала и обжималась с французом, а муж, защищая честь этой жены, получил пулю в живот и умер от этого на диване.

Пушкину всего лишь хорошо повезло после смерти. В 1880-м его поддержал большой литератор Достоевский, выпихнув в первый ряд. Позднее еще несколько высоких арбитров поддержали Достоевского. Так был сделан Пушкин. Гением его объявили специалисты. Как и Эйнштейна. Объявили потому, что надо иметь национального гения. К 1887 году было ясно, что России насущно необходим национальный гений. У всех есть, а у нас нет, – так, по-видимому, рассуждал короновавший его Достоевский. Выбрали Пушкина.

По нынешним понятиям, Пушкин выглядел бы кем-то вроде плагиатора. Его «Дубровский» несомненно заимствован из «Разбойников» Шиллера, «Бахчисарайский фонтан» развивает восточный экзотизм, привитый в Европе Байроном, «Евгений Онегин» – плохо переписанный «Чайльд Гарольд» того же Байрона, только убогенький его вариант, ибо писать Пушкину было не о чем, он знал только убогую помещичью русскую жизнь. Только у неразвитого в культурном отношении, неизбалованного народа могли прослыть шедеврами небрежные поделки вроде «Пиковой дамы». Перекраивая европейские шедевры на русский лад, Пушкин свободно использовал и заимствовал. Судьба Моцарта, Дон-Жуан, Командор (использованы несколько раз – в «Медном всад-

нике» и в «Дон Жуане», некоторые мотивы в «Пиковой даме»), какие-то мотивы из Проспера Мериме (кстати, очень повлиявшего и на раннего Гоголя) – вот что питало Пушкина. Самостоятельность в выборе тем и сюжетов стала проявляться у него лишь в последние годы жизни. В «Капитанской дочке». Возможно, если бы Пушкин прожил дольше, он стал бы более оригинальным писателем.

В первые годы третьего тысячелетия Пушкина можно читать с интересом такого же характера, что и интерес, заставляющий нас рассматривать картины XVIII и XIX веков или рассматривать архивные документы того же времени. Психологически современный человек очень далек от Пушкина, и вся эта ретроатрибутика в виде гусаров, чепчиков, старых дам, игры в карты, гусарского досуга должна была быть дико далека уже от советского рабочего или колхозника. Знания о человеке были в России в эпоху Пушкина примитивны, потому вселенная Пушкина несложна, да еще из нее эвакуирована полностью плоть. И это во времена, когда уже были опубликованы работы Жан-Жака Руссо, уже умерли Вольтер и Сад!

Короче говоря, Пушкин сильно преувеличен. Причем он не только испарился со временем, как некогда крепкий йод или спирт, но он и был в свое время некрепок. Для нас он едва ли на 10 % интересен. Много съело время, а многого и не было. Так пусть он украшает стихотворными открытками листки календаря. Там его место.

Достоевский: 16 кадров в секунду

В кружке Петрашевского они всего лишь обсуждали новомодные западные идеи: культурные, политические, экономические. Но в хваленной царской России этого было достаточно, чтобы быть арестованными, осужденными к смертной казни, ее на самом эшафоте заменили гражданской, сломали над головой клинок и сослали в Сибирь. Полпути до самого севера ТатариИ ссыльные шли с тяжелыми ножными кандалами, волоча их по грязи. Потом им оставили только ручные. И так до самого Семипалатинска в Северном Казахстане. Все за обсуждение идей. Кстати, первая ссылка Ленина тоже была наказанием за сущий пустяк. Студенты Казанского университета созвали собрание, где говорили об университетском самоуправлении. Россия была и осталась страной «кромешников» – ни свобода слова, ни свобода убеждений здесь недоступны разуму власть имущих. Я пишу эту книгу в тюрьме, куда уж лучшее доказательство. Так что Достоевский настрадался по полной программе. Только тащить эти гребаные кандалы по грязи стоило ран, рубцов и незаживающих язв.

Самый монументальный и фундаментальный русский писатель. Вдохновил Ницше. Автор таких циклопических литературных построек, как «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание». Ему платили за лист,

как Бальзаку, так что писал много, длинно. Порой – слишком длинно. В его квадратных метрах рассуждений много въедливой русской абстрактной дотошности. «Что лучше: миру провалиться или мне чаю не пить?» Есть в нем дьявольщина, по слухам – изнасиловал несовершеннолетнюю сироту. Мир Федор Михайлович воспринимал серьезно, еще до стояния с мешком на голове на эшафоте у него уже были причины для трагизма: пьяные крестьяне зверски убили его папочку-помещика, поляка по национальности.

В монументальных произведениях Достоевского море слез, тысячи истерик, колоссальное количество бесед за чаем, водкой и без ничего, бесед о душе, о Боге, о мире. Герои его упиваются беседами, само-истязаются словами и истязают других. Только и делают, что высасывают из пальца, из мухи производят слона. На Западе считают, что Достоевский лучше всех сообщил в словах о русской душе и изобразил русских. Это неверно. Истеричные, плачущие, кричащие, болтающие без умолку часами, сморкающиеся и богохульствующие – население его книг – Достоевские. Особый народ: достоевцы. С русскими у них мало общего. Разве только то, что они живут в русских городах – Санкт-Петербургах и прочих, на русских улицах, ходят по Невскому, и только.

Русский человек – это прежде всего северный хмурый житель. Он невесел и неразговорчив, как скандинав. Потому ему и требуется какое-то количество водки, чтоб разогреть-

ся, развязать язык и стать доступным. Оттого он идет к водке и цыганам, потому что в нормальном состоянии русскому не хватает тепла. Не таковы Достоевцы. Они всегда под неким градусом истерики, готовы болтать, плакать, рассуждать и днем и ночью. Их жизненная активность, как в фильмах, пущенных со скоростью 16 кадров в секунду, – убыстренная. Мелькают руки, ноги, сопли, слезы, речи о Боге, о дьяволе, все это на слюнявой спешной скороговорке. Может быть, этот сдвиг по скорости человеческой активности происходит оттого, что Федор Михайлович – творец этих гиньолой – был эпилептиком? Эпилептик-то дергается, рычит, пускает пену, вытягивается всем телом на нечеловеческой скорости.

Нерусские Достоевцы, живущие на скорости 16 метров в секунду, – такова загадка Достоевского. Мне лично нравятся первые сто страниц «Преступления и наказания». Очень сильно! Но дальше, к сожалению, идут сопли и слюни, и их очень изобильно. Долго и нудно выясняются отношения с Богом. Это тесные, вонючие, плотские, интимные, чуть ли не сексуальные шуры-муры с Господом. Какие-то даже неприличные по своей близости, по своей липкости и жаркому дыханию. Тут опять-таки (я пишу эти слова в тюремной камере, и мне видней) есть нечто от тесной тюремной клетки, где параша и стол – рядом и нужды заключенных тесно переплелись: ты ли раскорячился на дольнике или твой сосед – малопонятно. Короче, многое тесное, жаркое, неприятно близ-

кое в массе Достоевцев от тюремного общежития происходит. От тюремного общежития, в котором обрелся Федор Михайлович.

Запад любит Достоевского и его якобы русских. Все постановки русских пьес (и пьес по Достоевскому в особенности) на Западе сделаны на гротескной излишней скорости, на истерике, крике, на психическом нажиме. В западных постановках пьес Достоевского актеры ведут себя как умалишенные. Ибо умалишенными видят они Достоевцев, принимая их за русских. Эта ошибка, может быть, многого стоит России, но мы не знаем. А вдруг в своих стратегических вычислениях и планах Запад (и в особенности Америка) исходит из посылки, что Достоевцы – это русские?

Свыше ста страниц «Преступления и наказания» читать невозможно. Родион Раскольников, так правдиво, так захватывающе прорубивший ударами топора не окно в Европу, но перегородку, отделяющую его от Великих, убедившийся, что он не тварь дрожащая, этот же Родион становится пошлым слезливым придурком. Как раз тварью дрожащей. Великолепное лето в Петербурге и великолепное высокое преступление тонет в пошлости и покаянии. Оттого, что покаяния так много, оно неискренне.

Достоевский умел находить высоких и оригинальных типов в толпе и в жизни: Раскольникова, Мышкина, Верховенского, Настасью Филипповну, наконец. Но он никогда не умел занять этих героев героическим делом. Они у него по

большей части болтают и рисуются, а их покаяние невыносимо. Их связи с Богом невыносимы. Болтовня у Достоевского растягивается на сотни страниц. На самом деле, как это часто бывает с классиками, Достоевского лучше читать в изложении, чередующемся с хрестоматийными отрывками.

Нерелигиозному человеку вообще скучно с Достоевским. Сегодня побледнели и уменьшились такие места в Достоевском, как «Легенда о Великом инквизиторе». Карикатура на революционеров – «Бесы» – также не впечатляет и даже кажется заказом. Лучшие персонажи Достоевского – беспредельщик студент с топором Родя Раскольников и не от мира сего бедный князь Мышкин – очень хороши. Тут можно позавидовать Достоевскому. Правда, он не сумел их употребить на 100 %. Но он их нашел!

Бодлер: новый эстетизм

В Париже я часто совершал паломничество на набережную Анжу. Там в отеле «Пимодан» – еще раньше он назывался «Отель де Лозен», в честь его хозяина, шевалье де Лозена, – жил Шарль Бодлер. Именно в период создания «Цветов зла», в относительно благополучный период своей жизни. Здесь же, на другом этаже, квартировал Теофиль Готье, автор «Эмали и Камеи», сюда приходила к Бодлеру и подолгу жила с ним его черная Венера, негритянка с острова Мартиника. Здесь же, в отеле «Пимодан», эстеты, золотая молодежь того времени, Бодлер и Готье среди них, курили гашиш, здесь помещался клуб «гашишинов». Тогда подобное занятие не наказывалось законом, и предавались ему едва ли не десятки выдающихся индивидуумов на всей территории Франции. В XX веке опошляющая и вульгаризирующая все Америка приветствует вкус к наркотикам массам, а тогда это было высшее удовольствие эстетов.

В десятке метров от отеля «Пимодан» несет свои гнилые воды Сена. Множество деталей в стихах Бодлера появилось в них по причине близости этой реки. Разная, в зависимости от цвета туч и времени года, вода Сены разрушала и разрушает остров Сен-Луи, на котором стоит отель «Пимодан». Пятна гнили на камнях набережной и на старых домах, сыреющая быстро и отваливающаяся штукатурка, сырой про-

горклый воздух — все это неумолимая работа реки. В отеле «Пимодан» нет музея, хотя туда можно, говорят, попасть, если записаться заранее в таинственном учреждении в мэрии Парижа. Дом Бодлера и Готье служит таким элитным отелем. В настоящее время там останавливаются гости парижского муниципалитета. Так, по крайней мере, повествовал в середине 80-х годов справочник *Paris noir*, который мне пришлось купить и изучить. Я ходил к дому Бодлера очень часто, по меньшей мере раз в неделю. Иногда в окне Бодлера горела лампа. Водосточные трубы на доме были позолочены или покрыты золоченой краской. Дом по соседству занимал профсоюз булочников.

К сожалению, в военной тюрьме «Лефортово» нет томика Бодлера. Если бы был, я бы построчно доказал, что «Цветы зла» строились в этом тесном уголке старого Парижа. «В дебрях старых столиц, на панелях бульваров, где во всем, даже в мерзком есть некий магнит», и старая вонючая циничная Сена с утра влияла на настроение мсье Шарля: летом она воняет теплым сырым маревом, зимой — неумолимо холодна. А пятна, лишай, подтеки, размывы и колдобины производит она в неисчислимом количестве. Перед тем как отбыть в Москву в сентябре 93 года, перед октябрьскими событиями, я увидел в Сене, увидел с моста, белое лицо утопленника в костюме и при галстукe, утопленник тихо колыхался. Это был чистый Бодлер, цветы зла.

По сути дела Бодлер одной книгой сформулировал но-

вую современную городскую эстетику. Остальным оставалось лишь идти за ним. Его знаменитая «Падалъ» уже даже одна могла служить манифестом новой школы. До Бодлера был выродившийся пустой классицизм, галантные вирши на случай. Бодлер пришел и увидел красоту в отталкивающем, новом повседневном городском быте. Красоту в безобразном. Это вам не Пушкин, хотя время почти то же. «Голой девочке бес надевает чулки» – сдвинуло мир к новому эротизму, в котором мы живем и сегодня. Я лично часто вспоминаю «Что гонит нас вперед? Тех – ненависть к отчизне... еще иных – в тени Цирцеиных ресниц оставивших полжизни, надежда отстоять оставшиеся дни...». Или строчки:

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждой далью – даль, за каждым валом – вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы
И в памяти очей как безнадежно мал.

Рано облысевший, преждевременно старый Шарль Бодлер написал помимо «Цветов зла» очень немного. Эссе *Paradises artificielles* – где он воспекает гашиш и алкоголь, переводы Эдгара По, некоторые стихи помимо «Цветов зла». И все. Однако этого достаточно. Больше не нужно. Глядя из окна на воды Великой реки, на утопленников с белыми лицами, на баржи с углем и дровами, на речных чаек, на отчаянную городскую нищету и грязь, Бодлер сформулировал, произвел на свет и записал свой новый эстетизм. Даже сегодня мы им

пользуемся. Другого нет.

«Цветы зла» пронзительно красивы. Черт его знает, где и как его озарило, этого бледного вырождающегося генеральского приемного сына, бездельника, книгочея, которого семья упрекала в расточительстве. Над ним в конце концов установили опекунство. Настолько он транжирил деньги. Ему пришлось покинуть отель «Пимодан». Высшие силы, вонючий Париж и Сена внушили ему новый взгляд на мир, ведь новая эстетика есть не что иное, как новый взгляд на мир. Я понимаю в этом толк, я написал в 1977 году мои собственные «Цветы зла» – а именно «Дневник неудачника», и с тех пор послушно выполняю программу этой книги, напечатанной мне свыше.

Но Бодлер, боже мой, как же его угораздило! Он, казалось, никак не был подготовлен для такой роли. Ведь обычно из светских бездельников, транжир ничего не получается. Землистое длинное лицо, редкие пряди закрывают череп. Поживший развратник? Человек с дурной наследственностью? Нет. Великий поэт. Только Париж с его сотнями дождей в год, и ни один дождь не похож на другой, мог породить «Цветы зла». Только эта никогда не теплая, мокрая, вонючая столица и дохлая, старая, ржавая Сена. И Бодлер – городская реальность.

Впрочем, все понятно. Первый город мира, эталон города вообще, Париж развился в супергород как раз к середине XIX столетия. Неудивительно, что «Цветы зла» появились

из печати около 1852 года. Городские отравленные романсы Бодлера. Помещичьей, деревенской, дворянской, латифундистской поэзии ландшафтов пришел конец. Бодлер убил ее новой городской талантливостью. Отныне настала эпоха улочек, городских фонарей, тусклой воды, блеска и нищеты города-монстра.

Вместе с Бодлером пришел только Бальзак. Вместе они совершили литературную революцию. А в России продолжали писать Феты и Полонские. И так вплоть до Маяковского.

А после Бодлера пришел загадочный Лотреамон, он же Изидор Дюкас.

Де Сад: создатель вселенной насилия

В гостях у великана, людоеда Минского, Жюльетт (сестра Жюстины из «Злоключений добродетели») знакомится с движущимися столами и стульями – мебелью из женских тел, употребляемой Минским. Столы ползают, многими женскими попами подставляют себя под тарелки с горячими кушаньями, стулья подползают под гостей. Минский, людоед и обжора, выпивает зараз до тридцати бутылок бургундского. Минский – воплощение Зла, абсолютного и безусловного в своей абсолютности. Многие персонажи книг де Сада есть персонификации Зла. Широкая публика допускает ошибку, веря в то, что книги де Сада – о сексе. Это книги о власти. Те, кто ожидает необыкновенных порнографических сцен у де Сада, не встретит в них ни одной. Зато найдет неисчислимые сцены насилия не сексуального, но насилия властного, просто раздавливание человека насилием. В «Философии в будуаре» дочь помогает друзьям защитить влагище своей матери, в «120 днях Содома» удалившиеся в неприступное «шато де Сен-люс» на зиму четверо безумных либертинов всячески пытаются своих жертв самыми изощренными способами. Персонажи Сада, зацепляясь друг за друга, образуют этакие цепи мучителей, связанных общей болью.

Власть и Боль есть темы Сада. Кому пришло в голову первому назвать его именем сексуальное извращение? Этот человек ошибся и ввел в заблуждение весь мир.

Маркиз Донасьен де Сад был прелестным белокурым ребенком с голубыми глазами. По воспоминаниям его отца в одном из писем, у юного Сада был моцартовский темперамент – живой, непоседливый и веселый. От природы свободный, сын высокородных родителей, связанных кровными узами с принцами крови Конде, он и родился где-то вблизи нынешнего театра «Одеон» и Люксембургского сада – там находились владения Конде, их парижский дом.

В юности он был свободен и избалован, и, очевидно, ничто не служило ему запретом – ни моральные устои, ни этикет. Потом последовали его знаменитые эскапады: история с высеченной им в Аркое – предместье Парижа – проституткой, с накормленными им шпанской мушкой проститутками на юге Франции, в Марселе, высеченными им впоследствии; со всеми он совокупился в то время, как его слуга (валет) Ля Женесс, покрывал графа сзади. Собственно говоря, приключения подобного рода были вполне в духе эпохи. Знаменитый дюк де Фронсак (он жил в то же время, что и де Сад) собирал в своем особняке вблизи современной rue Pont aux Choux всех шалопаев и сексуальных девиантов эпохи. Людовику XV каждый вечер начальник полиции докладывал о происходящем в доме де Фронсака. И Людовик с интересом следил за эскападами главного либертина страны. Но дюк де

Фронсак никогда не попадал в тюрьму. Сад попал. И в тюрьме он стал Садам. Под натиском насилия он создал фантастическую машину насилия, противостоящую машине насилия государства. В своем воображении, разумеется.

Надо сказать, что Сад пробовал стать приличным. Его собрание сочинений включает в себя три тома пьес. Это respectable, нравоучительные произведения в духе своего времени, в них добродетель побеждает зло, отцы узнают дочерей и принимают их в объятия. Короче, все моральные ценности на своих местах. Это типичный XVIII век, отнюдь не блестящие произведения, хотя Сад был уверен в обратном, в том, что его пьесы принесут ему благонравную репутацию, славу и деньги.

В свое время французский режиссер Алекс Тиховой заставил меня прочесть все эти пьесы, намереваясь заставить меня написать пьесу о Саде, каковую я так и не написал. Так вот, несмотря на благонравие и политическую и моральную корректность пьес Сада, в них присутствовало и нечто общее с произведениями, принесшими Саду его мрачную славу. А именно действие пьес в большинстве случаев разворачивалось в крепостях, темницах, донжонах. Но это не всё. Таким образом, Сад на самом деле певец насилия, а не секса. Истина как будто простая. Минский – это государство. Дергая за шнуры, чтобы отдать приказание, или дергая за них, чтобы наказать или просто дать волю дурному настроению, Минский больно кромсает тела девушек, на которых закреплены

эти шнуры, отрывая соски, впиваясь в мякоть кинжалами. Прихотливая, своенравная, не знающая пределов власть государства и есть людоед Минский.

Нет, де Сад не создавал своих либертинов и людоедов из мести, чтобы хотя бы на страницах книг отомстить за себя. И не извращенная сексуальность Сада отразилась в его романах, нет. Его «Жюстин», «Жюльетт», «120 дней Содома» – это реалистические портреты власти. Пьер Паоло Пазолини прекрасно понял это. И соответствующим образом интерпретировал «120 дней Содома» в своем одноименном фильме. Существует мнение, что фильм скучен и отвратителен. Я соглашаюсь с этим: да, власть скучна и отвратительна. Загляните в тюрьмы, и вы увидите, как она скучна и отвратительна.

Сад закончил свои дни в Шарантонском приюте для умалишенных. Там у него было вполне прилично обставленное помещение, любимые книги, вино, и в возрасте около 72 лет он обзавелся малолетней любовницей, дочерью женщины, которая ему прислуживала. Когда они познакомились, крошке было 12 лет, чуть позже она стала любовницей де Сада. Злые языки утверждают, что мать и дочь хотели, чтобы старый злодей оставил им свое состояние. Умер де Сад через некоторое время после визита своей, в то время уже 17-летней, любовницы. Тихо умер во сне. Дежуривший при нем по просьбе его сына врач обнаружил утром, что Великий человек мертв.

У Сада были нормальные инстинкты и нормальные вкусы, как видим. Ну чуть повышенная сексуальность. Извращенным был мир вокруг него. Его посадила в тюрьму теща, мадам де Монтрёй. (Ныне это предместье Парижа, где традиционно правит коммунистический муниципалитет. Мэр Монтрёя Жан-Пьер Брар в 1986 году сделал меня почетным гражданином Монтрёя, в тот год мне отказали в получении французского гражданства.) В тюрьме де Сад оставался, с небольшим перерывом на время Революции, всю свою жизнь. Точнее, в тюрьмах, ибо сидел он и в шато де Винсенн, и в Бастилии, и в тюремном приюте в Шарантоне. В короткий период Свободы он даже стал секретарем секции «Пик Парижа». Арестовали его тещу и ее мужа, прокурора Монтрёя. Он мог отправить их на гильотину. Но творец великана Минского не сделал этого. Он освободил своих врагов.

Тюрьма – вселенная Сада. Тюрьма – царство насилия государства над личностью. Лязг ключей, холодные железные койки, железные двери, решетка на окне, процедура кормления (в кормушке – руки и кусок торса баландера), вывод из камеры (руки позади), обыскивание заключенных. Все ритуалы убийства воли человека. Сад прожил в тюрьме больше, чем на воле. Все его произведения (и пристойные моральные пьесы его, и непристойные чудовищные романы – поэмы насилию) о тюрьме. Вне тюремного каземата, донжона, крепости Сад действия не мыслил. Он создал вселенную насилия, и сам, никак не склонный к насилию, всего лишь как доктор,

дал свое имя одному из симптомов.

Чуть ранее 14 июля 1789 года, если не ошибаюсь – 11 июля, первые отряды парижских буржуа, бездельников и обывателей уже собирались перед крепостью Бастилией в Сент-Антуанском предместье. Сад, заключенный тогда в Бастилию, кричал из своего окна в крепости толпе, возбуждая народ: «Они убивают нас здесь!» Однако когда 14 июля толпы взяли крепость, вопреки сопротивлению графа де Луней, коменданта Бастилии, Сада там уже не было. В крепости находилось семь заключенных. Впоследствии семья де Луней эмигрировала в Россию и в конце концов дала миру юного поэта-диссидента Вадима Делоне, отсидевшего срок за демонстрацию против вторжения в Чехословакию. Умер Делоне в Париже от последствий алкоголизма. Так вот, Сада в Бастилии не оказалось. Его перевели в другую крепость. Однако он предусмотрительно спрятал рукопись «120 дней Содома» в расселину между камнями Бастилии. Спрятал так хорошо, что нашли ее лишь в начале XX века, перемещая остатки стены Бастилии с исторического места. Впрочем, еще при жизни, выйдя на короткое время на свободу, Сад переписал «120 дней Содома», ужесточив роман.

В детстве белокурый резвый ангелок с голубыми глазами, в юности, в пору совершения сексуальных преступлений, гибкий стройный аристократ с плохими привычками, он стал в конце концов плотным стариком с мощной грудной клеткой. Портрета его не сохранилось, так же как и его

останков.

Второй раз он попал в тюрьму в 1793 году, как аристократ, не обнаруженный на месте проживания в имениях. В Провансе он считался сбежавшим эмигрантом и как таковой подлежал аресту. К тому же против него выступили некоторые революционеры из секции «Пик Парижа», секретарем которой он был. Сад содержался в тюрьме Пикпюс под Парижем (сейчас это часть города, существует одноименная станция метро). Туда же, к тюрьме Пикпюс, была перевезена гильотина с площади Согласия, потому что жители Парижа уже не могли переносить запах крови, стоящий над площадью Согласия. Теперь запах крови, с лета 1793 года, стоял над тюрьмой в местечке Пикпюс. Из своего тюремного окна Сад мог видеть ежедневные казни. Так что ему досталось, гражданину Саду.

В конце жизни в Шарантоне он жил уже посвободнее. Неплохой стол, вино, юная любовница. Он ставил свои пьесы, используя персонал Шарантона как актеров. Пьесы его, как мы знаем, были политически корректны, в них торжествовала добродетель. Никаких мрачных сексуальных извращений в де Саде никогда не было, не надо путать его с Чикатило. Если он и кормил возбуждающими желание шпанскими мушками жену пекаря Роз Келлер в Аркое и проституток в Марселе и пытался сечь их розгами, он делал это для усиления желания. Их и своего. Если он совокуплялся с проститутками в то время, как его натягивал слуга Ля Женесс,

то в этом нельзя усмотреть даже гомосексуализма. XVIII век был веком крайне распущенным для французской знати, и Дюк де Фронсак на рю Понт-а-Шу (Капустный мост, я жил в доме на углу Понт-а-Шу и рю де Тюрени) проделывал куда более экстремальные вещи, как я уже упоминал. И король Людовик, возможно, ловил порочное удовольствие, слушая доклады своего министра полиции. В архиве преступлений де Сада ему также вменяют в вину, что он имел в обычае нанимать к себе в замок служанками 15-летних девчушек из деревни. В зиму в замке ставили не совсем невинные спектакли, в которых наряду с женой Сада Реми-Пелажи участвовала ее сестра, а также эти 15-летние служанки. Не будет ошибкой полагать, что изобретательный маркиз знал, как употребить деревенских девчонок наилучшим образом. Однако половина российских помещиков повинна в том же самом сластолюбии. Яснополянские крестьяне, говорят, до сих пор похожи на Льва Николаевича Толстого. Достоверно известно, что Донасьен Альфонс спал с сестрой жены и даже убежал вместе с ней в Италию, где его и арестовали. Это все «преступления» Сада.

А наказанию его подвергли несоизмеримому.

В мире его романов монументальные злодеи конкурируют в насилии. Но тут уже все ясно. Тому, кто видел подъезжающие к гильотине повозки, кто дышал запахом крови тем далеким летом 1793 года, а де Сад ежедневно ожидал, что его отправят на гильотину (легенда утверждает, что один раз его

фамилию выкликнули, но писарь допустил ошибку в написании фамилии, и его не взяли в повозку). Такому человеку какие же еще книги писать?

Находясь в заключении в «Лефортово», в крепости XIX века, построенной при царице Екатерине II, видя ее архитектуру, где внизу, от поста линиями расходятся коридоры и вверх ведут лестницы, вижу, какой великолепной сценической площадкой могла бы служить тюрьма «Лефортово» для Сада. Сюда посадило меня российское государство – великан-людоед Минский. Как никому другому в мире, мне понятен Сад.

Станным образом у нас с Садом оказался один издатель. Жан-Жак Повер (Pauvert) купил мою первую книгу «Это я, Эдичка» в 1979 году, в мае. Посредником послужил Николай Боков, предоставивший Поверу несколько глав, переведенных на французский. К несчастью, в том же году *Editions Pauvert* обанкротилось. 22 мая 1980 года я прилетел в Париж, пытаюсь спасти книгу. Я встретился с Повером, и он обещал мне опубликовать книгу в издательстве, с которым он ассоциируется. Что и случилось в ноябре 1980 года. Специальностью Повера был Сад. Еще в 1953 году его судили за то, что он осмелился опубликовать полное собрание сочинений Сада. На суде выступали знаменитые адвокаты, французские писатели. В конце концов с помощью Повера Сад прочно занял свое место во французской литературе. Похожий на уса-того кота, Повер выпустил подробнейшую биографию Сада,

основанную на документах. Так что мы с Садом подаем друг другу руку сквозь века. Через издателя. И из тюрьмы в тюрьму.

Константин Леонтьев: эстет

В 1992 году я волею судеб оказался в Черногории. Когда мы въехали в ее древнюю горную столицу – Цетинье, фактически горную деревню, над нею висел леонтьевский дымок. Печи топились какими-то горными дровами. А может, топили выкорчеванными старыми стволами фруктовых деревьев – вишен или слив, такой был терпкий, фруктовый дым. «О, дымок мой, дымок мой, дымок. Над серыми садами зимы», – написал некогда, лет за 120 до моего прибытия в Черногорию, Константин Леонтьев. Он служил в российском консульстве недалеко от Цетинье – в Андрианополе, там же на Балканах.

Приехав в Цетинье из Титовграда, я не вспоминал Леонтьева вовсе. Поездка моя никак не была связана с ним. Но вдохнув цетиньский дымок, я узнал его: это дымок Балкан, учуянный впервые Леонтьевым.

Константин Леонтьев один из немногих «шампанских» гениев, в общем-то, удручающе тяжеловесной русской литературы. Молодым доктором-офицером он участвовал в Крымской войне, подобно Льву Толстому, затем был дипломатом – провел на Балканах более десятка лет. Обожал турок, презирал и не любил европейцев, ударил французского консула кнутом. Турок любил за их нецивилизованность, живописность костюмов, оригинальность характера. Напи-

сал гениальное эссе «Средний европеец как орудие всемирного уничтожения» и эссе «Византия и славяне». В «Среднем европейце» сумел увидеть настоящую и будущую опасность человеку от буржуа-обывателя. «Неужели Александр в каком-нибудь крылатом шлеме переходил Граник, Цезарь – Рубикон, поэты писали, герои умирали... чтобы буржуа в своем кургузом пиджачке благодушеествовал бы...» – возмущался Леонтьев. Дворянин, эстет, он предпочитал варваров-турок в шароварах, чалме и при ятагане. Собрату-дипломату, только что приехавшему на службу, он советовал завести юную любовницу – гречанку или албанку и сходить в бани прежде всего. Тогда он узнает Восток.

Романы ему не удавались. Но русский Оскар Уальд – Константин Леонтьев великолепен в своих статьях и афоризмах. «Искусство лжи» Уальда и «Средний европеец как орудие всемирного уничтожения» написаны, собственно, на ту же тему: обоим гениям, и обританившемуся ирландцу, и русскому, предпочтителен эстетический взгляд на мир. Кентавры, птица рок, Сцилла и Харибда, Александр в крылатом шлеме – вот мир Уальда и Леонтьева, вот какой мир предпочтительнее им. А средний европеец и его кургузая экономика отвратительны обоим.

Леонтьев ревновал Россию к Толстому и Достоевскому. Его собственные романы успеха не имели. Зато сегодня Леонтьев все приближается и приближается к русскому читателю. Станный славянофил, в сущности, скорее мусуль-

манофил, Леонтьев был впереди своего времени во многом. Первый импрессионист в русской литературе, не обсосанный, не банализированный критиками (в отличие от Толстого и Достоевского), Константин Леонтьев ждет читателя во всей своей свежести. Умер он, если не ошибаюсь, около 1891 года, но, несмотря на это, свежесть гарантирована.

Леонтьев параллелен и Уальду и Ницше. Недаром его иногда называли «русским Ницше». Общая у них основная тема – отвращение к современному европейцу-обывателю. (Ницше ненавидел более всего своих компатриотов – немцев.) В этом же к ним близок Уальд. Наш Леонтьев даже несколько опережает двух европейских гениев; родившийся в 1830 или 1831 году, он ранее сформулировал свои взгляды и умер на десяток лет раньше Уальда и Ницше. Правда, Ницше уже в 1888 году сошел с ума (в этот же год погиб Ван Гог) и последние 12 лет прожил в психиатрической лечебнице.

У Леонтьева была своя теория развития нации. Нацию он уподоблял растению. В жизни нации он разделял периоды: буйного роста, ясной зрелости, цветущей сложности, вторичного упрощения и гибели. Здесь Леонтьев близко сходится с другим русским прорицателем, родившимся лет за пять до его смерти и умершим через тридцать – с Велимиром Хлебниковым, с его «Досками судьбы». Оба фаталистичны.

В периоды ясной зрелости и цветущей сложности создается обычно Великая культура. Скажем, Древняя Греция за какие-нибудь несколько веков своего существования (с V по

III век до н. э.) дала миру около 500 культовых гениев: полководцев, драматургов, скульпторов, философов, математиков. Впоследствии эту теорию развил Лев Гумилев. Он, конечно, подошел к ней несколько иначе, более по-научному, объясняя вспышки пассионарности наций чуть ли не вспышками на Солнце, но суть общая с Леонтьевым. А именно, что жизнь наций детерминирована определенными условиями, что нации рождаются и умирают, как люди и растения, имеют возраст.

Военный врач Константин Леонтьев, разумеется, исходил из естествоиспытательских идей своего времени. Он знал и любил естественные науки. Но свое время он значительно опередил. Тогда так не мыслил никто, ни в России, ни в Америке, ни в Европе.

Неудивительно, что общая масса современников относилась к писателю и философу Леонтьеву равнодушно, его едва знали, в то время как гремели Толстой и Достоевский. Леонтьев с его социальными идеями, с отвращением к европейцам и любовью к варварству, к туркам, с его импрессионизмом, был малопонятен. Граф Толстой был попроще, его романы были попроще, его видение мира: брюхатая Наташа Ростова, Пьер Безухов, тетешкающий ребенка, были свои, близкие.

В последние годы жизни, как известно, у Леонтьева появился молодой поклонник, тоже странный писатель, Василий Розанов. Ему нравился Леонтьев, реакционер и показ-

ной мракобес. Леонтьев предлагал заморозить Россию, дабы остановить процесс надвигающейся революции. Леонтьеву не вняли: славянофилы считали его чудаком, цари, очевидно, тоже. А зря, совет был дельный. Россию заморозили уже большевики, и до поры до времени заморозка действовала. Правда, через полсотни лет после революции доморощенные средние европейцы – диссиденты – все же явились орудием всемирного уничтожения и своими стенаниями (как христиане Римскую империю) разрушили Великую Советскую Империю. Но Леонтьев этого всего уже не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.